

организована особая комиссия по реализации удмуртского языка. Комиссией был разработан проект по реализации удмуртского языка и удмуртского делопроизводства, по которому работа комиссии была подразделена на 2 части – теоретическую и практическую.

Работа теоретической части комиссии заключалась в установлении основных правил и принципов удмуртского правописания на основе существующего южного и северного говоров, а работа практической части комиссии заключалась в выработке и установлении канцелярской терминологии и языка.

Работа обеих частей комиссии принесла значительные практические результаты⁶.

Таким образом, в годы нэпа, несмотря на значительные трудности, в Вотской области начинает развиваться национально-культурное строительство, которое, хотя и имело большие недостатки, оказало существенное влияние на удмуртский народ. Увеличивают темпы развития образование, здравоохранение, язык, литература.

Дальнейшее формирование культуры удмуртов происходит в 1930-х гг. в уже совершенно других экономических и политических условиях.

Примечания

¹ Отчет Совету труда и обороны областного экономического совещания. Ижевск, 1922. С. 175

² Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики. Ф. 16. Оп. 1. Д. 614. Л. 72

³ Там же. Д. 614. Л. 64.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 65.

⁶ Там же. Л. 70.

*О.И. Сыромятников
(Пермь)*

Пермская чужь

Заселение Среднего Урала русскими происходило наиболее интенсивно в XVII–XVIII вв. в связи со строительством горных заводов, а также за счет беглых крестьян из центральных областей России. Но еще задолго до этого практически вся территория нынешней Пермской области была освоена коми-пермяками, о чем, в частности, свидетельствуют многочисленные коми-топонимы. Однако мало кто знает, что и коми-пермяков нельзя считать коренным этносом Прикамья. Фольклор сохранил многочисленные свидетельства о том народе, который жил здесь до прихода финно-угров.

Речь идет о так называемой «чужди», предания о которой широко распространены на северо-западе России, в частности, у народа

коми. При этом, указывает Ю.Г. Рочев, у коми-зырян и коми-пермяков эти предания в целом схожи, их можно поделить на три основные группы: *чудь* – чужой, порой враждебный народ; *чудь* – дохристианское, языческое население; *чудь* – маргинальная социальная группа или собирательное наименование мифологических существ. По мнению Рочева, «наиболее архаичным пластом следует признать сюжеты, в которых *чудь* изображается как этнически чуждый народ».

Тем не менее, на наше взгляд, представления о *чуди* коми-зырян и коми-пермяков имеют некоторые особенности. Так, широко распространенную группу преданий о «чуди самопогребавшейся» и «чуди убегающей» Рочев связывает с процессом христианизации ареала расселения коми. Однако фольклор коми-пермяков соотносит «уход чуди» прежде всего с приходом «белых людей», не акцентируя момент религиозной экспансии.

На северо-востоке Коми-пермяцкого автономного округа (КПАО) *чудь* зачастую отождествляется со «старыми людьми» (важис), – теми, кто жил здесь до прихода коми-пермяков: «Важис сами себе яму копают, крышу делают и убились, и вот теперь их поминают. Придут годы, когда и нам также плохо придется, и другим» (Косинский р-он). В некоторых случаях *чудь* отождествляется с т.н. «вечными людьми», продолжительность жизни которых ограничена лишь их собственным желанием или насильственной смертью.

О «чудских годах» в Коми-округе помнят почти повсеместно. «Бабушка сказываливала: Чудь – в земле жили, подкопались, столбушки подвинулись и упали» (Юрлинский р-он). «Дедушка мой был из Тимина, ему его отец рассказывал. Они (чудь. – О.С.) яму копали и туда все полезли, как большой народ пришел. <...> Колодец на том месте был, мы еще воду пили» (Кудымкарский р-он) и т.д.

При этом, кроме устных преданий в старых коми-пермяцких деревнях сохранились и строго оберегаемые священные места: рощи, колодцы, могильники – те места, где *чудь* некогда «ушла под землю» после того, как на ее землю пришли «белые люди». «Белыми» коми-пермяки называют себя, что дает основание для конкретизации морфологических черт *чуди*: «Чудь – низкорослые, до полу сажени. Ушли в озеро все с телегами и имуществом. Охотники потом находили очень маленькую бронзовую посуду и орудия труда» (Кудымкарский р-он). «Они шилками (маленькое шило. – О.С.) жали – у них колос был в половину нашего стебля. Когда высокий народ появился, тогда какой-то серп появился, так они и себя убили – зубастый червяк (серп. – О.С.) нас съест, нам тут делать нечего» (Кудымкарский р-он).

Однако встречаются и значительные отличия: «Ноги длинные, длинные суставы и большие черепа. Жили в горе». (Кочевский р-он).

Последнее уточнение тем значительнее, что эта гора хорошо известна местным жителям под названием «Курэпкар» («Куркар») – Куропаточья гора. Она расположена недалеко от деревни Урья Кочевского р-на и представляет собой усеченный конус с плоской вершиной, образующей плато диаметром около 150 м. По преданию оно некогда было окружено валом, а в верхней части, на т.н. «лобном месте», располагались «чудские колодцы» (вероятно, вентиляционные или световые). Верхнее плато окружено нижним, значительно большего диаметра, к которому от подножия горы полувитком спирали ведет заросшая лесом дорога. По преданию Курэпкар представлял собой укрепленный, охраняемый воинами город, цитадель которого образовывал искусственно насыпанный курган со сложными внутренними коммуникациями, вход в который, «Золотые ворота», располагался на восточном склоне горы. Когда сюда пришли «белые люди», чуды позволили им остаться. Коми стали вести сельское хозяйство и разводить скот, уплачивая незначительный ясак «хозяевам», которые сами ничем подобным не занимались. Курэпкар больше напоминал собой крепость, военное поселение, чем обычный город. Чудские воины «между собой почти не разговаривали, понимали друг друга без слов. Могли неожиданно исчезать и появляться» (Кудымкарский р-он). Так продолжалось некоторое время, но однажды все чуды зашли в гору, закрыли за собой ворота, обрушили ил и больше их никто не видел.

Напрашивается вывод, что речь здесь идет о двух разных этносах, автохтонных по отношению к коми. Туземные микроантропы и рослые воины Курэпкара не захотели (или не смогли) жить с людьми, которых становилось все больше и больше: «Из поколения в поколение людей стало все больше и больше и они (чуды. – О.С.) ушли» (Кудымкарский р-он). Однако более правдоподобным выглядит предположение о том, что в первом случае речь идет о встрече не с людьми, а с какими-либо мифологическими персонажами, например, лесными гномами. Этим можно объяснить и не понятное людьми странное («чуждое») поведение – «шилками жали» и чрезвычайно малый рост – «под большой гриб лезли 7–12 человек» (Кудымкарский р-н).

Рассказы, в которых чудь предстает как племя высоких, сильных и красивых людей, выглядят более правдоподобными. Так, весьма интересны наблюдения исследователя коми-культуры Стефана Соммиз (1848–1922), приводимые Д. Гено: «Зыряне... люди красивые, сильные и высокие, чаще всего это блондины или светлые патены, у них светлые глаза и красивые бороды. Черты лица, в большинстве, красивые и, в противоположность остякам, глазницы глубокие и носы прямые или орлиные. <...> Резкие носы, впалые глаза, светлые волосы, голубая радужная оболочка глаз, густые и куд-

рявые бороды, высокий рост <...> напоминают мне скандинавские народы». Соммиз полагал, что все зыряне (а с ними и пермяне) происходят от жителей Биармии – государства на севере-западе России, о котором говорится в скандинавских сказаниях IX–XI вв.: «Зыряне – это потомки Пермян, которые ни что иное, как Биармские или Беормские из скандинавских и исландских сказаний» (Гено, 1989).

П.П. Бажов в сказе «Дорогое имечко» пишет о «старых людях» – не русских и не татарах, живших на север от Соликамска. Этот народ не занимался скотоводством и земледелием, а жил за счет охоты, рыбной ловли, бортничества и переработки руды. «Домашек у них либо обзаведения какого – банешек там, погребушек – ничего такого и в заводе не было. В горах жили. В Думной горе пещера есть. С реки ход-от был. <...> А самоглавная пещера в Азов-горе была» (Бажов, 1977); «...в нутро Азов-горы никто попасть и не может. Ход-от в пещеру и теперь знатко, только он будто осыпался. Пойдет кто, осыпь зашумит, и страшно станет. Так впусе гора и стоит. Лесом заросла. Кто не знает, так и не подумает, что там, в нутре-то» (Бажов, 1977). Внешне «старые люди» были выше и крупнее русских настолько, что восемнадцатилетняя девушка могла переносить раненого соликамца, пришедшего к ним, на значительные расстояния. Когда пришли русские, чужд навегда ушла, а девица осталась хранить спрятанные от «белых людей» сокровища и оплакивать своего суженого. Нужно отметить, что фольклорный мотив о «чудо-девице», живущей в горе и иногда показывающейся людям, весьма характерен для Верхнекамья.

Однако оказывается, что в неменьшей степени он характерен и для Алтая. Н.К. Рерих в книге «Сердце Азии» упоминает местную легенду: «Вышла из подземелья женщина. Ростом высокая. Ликом строгая и темнее наших. Ходила по народу – помощь творила, а затем ушла назад в подземелье» (Рерих, 1979). Девица из сказа Бажова также кроме значительной физической силы обладала и незаурядными интеллектуальными способностями – легко и быстро выучила русский язык, да, кроме того, «тайная сила в ей, видно, гнездовала» (Бажов, 1977).

Современный коми-пермяцкий фольклор изобилует мотивом «чуждских древностей» – артефактов чуждой цивилизации, к которым сами информанты относятся как к обыденной реальности: «Топорик маленький находили на Сутяге-копище» (Юрлинский р-он); «Сам видел, лет 6-7 мне было, по ягоды ходили. Отец сохой пахал, и из земли вышли туфелька желтая на высоком каблучке металлическая и самоварчик желтые, как золотые. Рядом лес был выше, там – яма глубокая. <...> Самоварчик, грамм сто влезет» (Кудымкарский р-он). То, что нечто подобное действительно было, не вызывает сомнений. Л.В. Баньковский отмечает: «В 40-е годы XIX века Строгановы ра-

зослали по всем своим обширным имениям циркуляры с требованием прислать к ним в Петербург все «любопытные» и «изящные» предметы из разряда самых интересных древностей» (Баньковский, 1991). В результате множество чудских артефактов легло в основу коллекции Пермских древностей Государственного Эрмитажа. Баньковский приводит выдержку из «Записок» Российского археологического общества (1856), посвященных чудским древностям: «После всех указаний на памятники Пермской губернии приходим к заключению, что страна сия вообще богата различными древностями, а в частности древний пермский народ, известный теперь под общим названием чуды и обитавший в пределах Пермской губернии, был народ многочисленный, богатый и промышленный, так что вел торговые сношения с отдаленными краями света... Настоящее же и полное значение этого сопредельного с другими племенами народа откроется разве тогда, когда открыты будут подземные его сокровища» (Баньковский, 1991).

Упоминания о подземных сокровищах чуди не случайно. Предания не только достаточно конкретно указывают ареал ее расселения: «Чудские люди на севере жили: Гайны, Пятигоры, на берегу Камы», но как особо характерную черту чудских поселений называют курганы – «высокие угоры» (Кудымкарский р-он). Известно, что вплоть до VII в. у коми преобладали курганные захоронения, однако антропогенный курган (кругом него – не типичная для коми-пермяцкого пейзажа равнина) типа Курэпкара вряд ли можно считать могильником из-за его огромных размеров. В данном случае речь идет именно о подгорных городах-крепостях, значительно превосходящих размерами могильники.

Н.К. Рерих в «Сердце Азии» пишет: «Старик ведет нас на каменный холм и, указывая каменные круги древних погребений, торжественно говорит: "Вот здесь и ушла Чудь под землю. Когда Белый царь пришел Алтай воевать и как зацвела белая береза в нашем краю, так и не захотела Чудь остаться под Белым царем. Ушла Чудь под землю и завалила проходы камнями. Сами можете видеть их бывшие входы. Только не навсегда ушла Чудь. Когда вернется счастливое время и придут люди из Беловодья и дадут всему народу великую науку, тогда придет опять Чудь, со всеми добытыми сокровищами"» (Рерих, 1979).

Мы живем на земле древней цивилизации. Эта земля завещана нам на хранение и радение. От нас зависит, чтобы наступило счастливое время, предсказанное в прекрасной легенде, а не страшные дни, о которых говорила бедная косинская крестьянка: «Придут годы, когда и нам так же плохо придется, и другим...»